

12+

С Н А Р У Ж И

АЛЕКСЕЙ ВОЛКОВ

Алексей Волков

Снаружи

«Издательские решения»

Волков А.

Снаружи / А. Волков — «Издательские решения»,

Род Наднебесных существует столько же, сколько существует человеческое стремление к невозможному. Из поколения в поколение старший сын нёс тайну, которую не знали остальные: их кровь — это кровь искателей. Предки покоряли Олимп, поднимались в небо, прокладывали дорогу в космос. Каждый раз казалось — вот он, следующий шаг. Но чем выше поднимались технологии, тем дальше отступал горизонт.

© Волков А.

© Издательские решения

Содержание

СНАРУЖИ	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: НЕБО	7
ГЛАВА 1. НАДНЕБЕСНЫЙ	7
Глава 2. Институт	11
Глава 3. Год до старта	15
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Снаружи

Алексей Волков

© Алексей Волков, 2026

ISBN 978-5-0069-9569-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СНАРУЖИ

Человек — мера всех вещей. Но только человек может спросить — мера чего?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ: НЕБО

ГЛАВА 1. НАДНЕБЕСНЫЙ

Есть на земле фамилии, которые носят как орден — с гордостью, с болью и с тайным знанием о том, что этот орден достался тебе не за заслуги, а по наследству, и значит, заслуги ещё предстоит совершить. Максим Андреевич Наднебесный узнал о своей фамилии дважды. Первый раз — в пять лет, когда воспитательница детского сада Нина Петровна, женщина добродушная и близорукая, долго смотрела в список детей, шевелила губами, а потом вскинула голову и произнесла его имя с таким удивлением, будто встретила на странице журнала слово из другого алфавита:

— Наднебесный? Это что же такое — Над-не-бес-ный?

— Это моя фамилия, — сказал пятилетний Максим с серьёзностью, которая рассмешила всю группу.

Второй раз — в восемнадцать лет, когда отец закрыл дверь в свой кабинет, поставил на стол старую жестяную коробку из-под чая, покрытую такими царапинами и вмятинами, что казалось, она пережила не одну войну, и сказал:

— Садись, сынок. Пора.

Андрей Николаевич Небесный был невысоким, жилистым человеком с руками механика и глазами человека, который привык смотреть далеко — не в горизонт, а дальше, туда, где горизонт уже ничего не значит. Он работал в Институте прикладной астрофизики и занимался расчётами траекторий — скучная работа для посторонних, волшебство для посвящённых. Дома он почти не говорил о работе. Он вообще мало говорил. Но сейчас, в этот октябрьский вечер, когда за окном шумел дождь и брат Максима Виктор уже спал в соседней комнате, отец открыл коробку.

Внутри лежали бумаги. Старые — пожелтевшие, с ломкими краями. Фотографии на картонных подложках. Несколько медалей. Сложенная вчетверо карта, которую Максим поначалу принял за географическую, но это оказалась карта звёздного неба, исчерченная красными линиями. И тонкая тетрадь в кожаном переплёте, написанная мелким, почти неразборчивым почерком.

— Читай, — сказал отец.
Максим читал до рассвета.

История рода Небесных — вернее, тех, кто стал родом Небесных в конце своего пути, — начиналась не с фамилии. Фамилия была концом истории, её итогом, печатью, которую поставили уже в двадцатом веке.

История начиналась с вопроса.

Один вопрос. Один и тот же вопрос, который задавал каждый старший ребёнок в каждом поколении этой семьи вот уже — страшно произнести — тридцать поколений. Некоторые историки сказали бы: восемьсот лет. Но в тетради первые записи были сделаны так, будто речь шла о чём-то гораздо более давнем — о традиции, которая уходила корнями туда, куда не дотягивался никакой архив.

Вопрос звучал так: Где Бог?

Не «Есть ли Бог» — этот вопрос задают философы и семинаристы. Именно: где?

Словно Он существовал несомненно, словно Его присутствие в мире было так же очевидно, как присутствие солнца, — и нужно было только найти, в какую сторону смотреть.

Первым из тех, чьи имена сохранились, был некий Дормидонт, живший в тринадцатом веке в небольшом городке близ Суздаля. О нём тетрадь рассказывала скупое: купеческий сын, человек грамотный, что по тем временам уже делало его особенным. Дормидонт был первым, кто додумался до простой — и при этом совершенно революционной для своего времени — мысли: если Бог где-то есть, то Его нельзя найти, стоя на одном месте. Нужно идти. Но куда?

Дормидонт рассуждал так: священники говорят, что Бог — на небесах. Небеса — это то, что над нами. Значит, нужно подняться выше. Насколько возможно выше.

В своё время он поднялся на самую высокую точку в округе — холм, который местные жители называли Лысым, хотя никакой особенной лысины на нём не было, просто трава там не росла из-за каменистой почвы. Дормидонт просидел на холме трое суток, почти без еды и воды, и смотрел в небо.

Бога он не нашёл. Но нашёл кое-что другое: он понял, что нужно подниматься выше.

Об этом он написал своему старшему сыну Афанасию. И Афанасий понял.

Следующие несколько поколений методично покоряли горы. Не все — времена были тяжёлые, дороги длинные, средства скромные. Но каждый старший ребёнок, получив от родителя заветную тетрадь и устное наставление, делал шаг вперёд по сравнению с предыдущим. Один добрался до Карпат. Другой — до Кавказа. Третий, уже в семнадцатом веке, каким-то невероятным образом оказался в составе купеческого каравана, шедшего через Персию, и поднялся достаточно высоко в горы, что по тем временам было равносильно подвигу.

Горы не давали ответа. Но каждый, кто поднимался, возвращался другим. Не разочарованным — именно другим. Как будто высота меняла что-то в самом устройстве человека, заставляла видеть дальше, думать шире, дышать глубже.

— Может быть, это и есть ответ, — написал в тетради один из них, которого звали Семён Горшков — фамилия ещё не сменилась. — Может быть, Он не там, куда ты пришёл, а в том, кем ты стал по дороге.

Но следующий старший ребёнок зачеркнул эту запись и написал рядом: Нет. Это утешение для слабых. Продолжай искать.

Восемнадцатый век принёс новые возможности. Появились воздушные шары. Прапрапрадед Максима — или, точнее, человек, стоявший в том же ряду традиции, — по имени Пётр, живший в Москве и служивший чиновником невысокого ранга, первым в семье поднялся в воздух. Это было в 1804 году, когда иностранный воздухоплаватель устроил в Москве показательный полёт. Пётр каким-то образом, тетрадь намекала на взятку, но точно не уточняла, пробрался в корзину шара и поднялся над городом. Запись в тетради была взволнованной, почти лихорадочной: «Видел я Москву с высоты птичьей и понял: земля мала. Бог не может жить в малом. Значит, Он ещё выше. Нужно лететь. Нужно научиться летать по-настоящему».

Петра арестовали за самовольное залезание в шар иностранного гостя. Он просидел в кутузке три дня и вышел оттуда совершенно счастливым.

Двадцатый век начался для семьи с революции — не политической, а технической. В Европе и в России появились самолёты. Дед Максима по этой линии — Николай, к тому времени семья уже носила фамилию Небесных — работал механиком на авиационном заводе. Он никогда сам не летал, но каждую машину, которую собирал его цех, он собирал с таким вниманием, с такой любовью и с таким тайным смыслом, будто вкладывал в металл и ткань часть своего поиска. Говорят, самолёты, собранные в его смену, ломались реже других.

Его сын, Андрей — тот самый отец Максима — стал астрофизиком. Небо для него было тесным. Он смотрел на звёзды. И именно Андрей Николаевич, изучив всю тетрадь, все записи, весь этот невероятный архив поколений, сделал единственно возможный вывод и дал своему первенцу фамилию, которая была не просто фамилией, но программой, заданием, судьбой.

Наднебесный.

Над небом.

Значит — в космос.

— Понимаешь теперь? — спросил отец, когда Максим закрыл тетрадь.

За окном рассвело. Дождь кончился. Где-то на улице уже гремел первый трамвай.

— Понимаю, — сказал Максим.

— Это не обязательно, — сказал отец. — Я хочу, чтобы ты знал: это не приказ. Это... традиция. Традиция, которую легко нарушить.

— Ты нарушил?

Отец помолчал.

— Нет. Но я не летел лично. Я считал. Я прокладывал пути для других. Может, это малодушие, а может...

— Ты готовил путь для меня, — сказал Максим.

Отец посмотрел на него долго. Потом кивнул.

— Виктор не должен знать, — добавил он. — Таков уклад. Младшие не посвящаются. Традиция только старших детей.

— Почему?

— Потому что этот груз нельзя делить. Он или твой целиком, или ничей.

Максим снова взял тетрадь. Провёл пальцем по кожаному переплёту.

— Папа, — спросил он тихо. — А кто-нибудь из них... нашёл?

Отец встал, подошёл к окну.

— Нет, — сказал он. — Но все говорили, что стали ближе.

Это было странное утешение. Или, может быть, лишь призрачная надежда.

Глава 2. Институт

Научно-исследовательский институт биомедицинских технологий и космической адаптации — в народе просто НИИ-137, или «сто тридцать седьмой», или, в шутку, «консервный завод» — располагался на северо-западной окраине города, за промышленным районом, в окружении берёзовой рощи, которую зимой засыпало снегом настолько щедро, что она превращалась в рождественскую открытку, а летом становилась такой зелёной и тенистой, что сотрудники обедали там прямо под деревьями, расстелив на траве газеты.

Максим работал здесь пятый год.

Должность его называлась длинно: «старший научный сотрудник отдела перспективных исследований жизнеобеспечения в условиях длительной изоляции». На деле это означало, что он занимался гибернацией.

Гибернация — слово красивое, почти поэтическое. Учёные иногда называли её «медицинским сном», журналисты — «анабиозом», коллеги в курилке — «морозилкой». Суть была одна: как сохранить человека живым на протяжении сверхдолгого путешествия в космосе.

Задача эта была не нова. Ею занимались давно, с тех самых пор, как стало ясно, что даже самый быстрый из возможных кораблей будет лететь к ближайшей звезде многие и многие годы. Человек — существо хрупкое. Он стареет. Ему нужно есть, пить, дышать. Он скучает и сходит с ума от одиночества. Он не может просто «подождать» в пространстве между звёздами.

Если только — не спать. Сон — это тоже своего рода путешествие во времени. Засыпаешь в понедельник, просыпаешься во вторник, а всё, что было между ними, пролетело мимо сознания, как пейзаж за окном скорого поезда. Гибернация должна была делать то же самое, только не на восемь часов, а на восемь лет. Или восемьдесят.

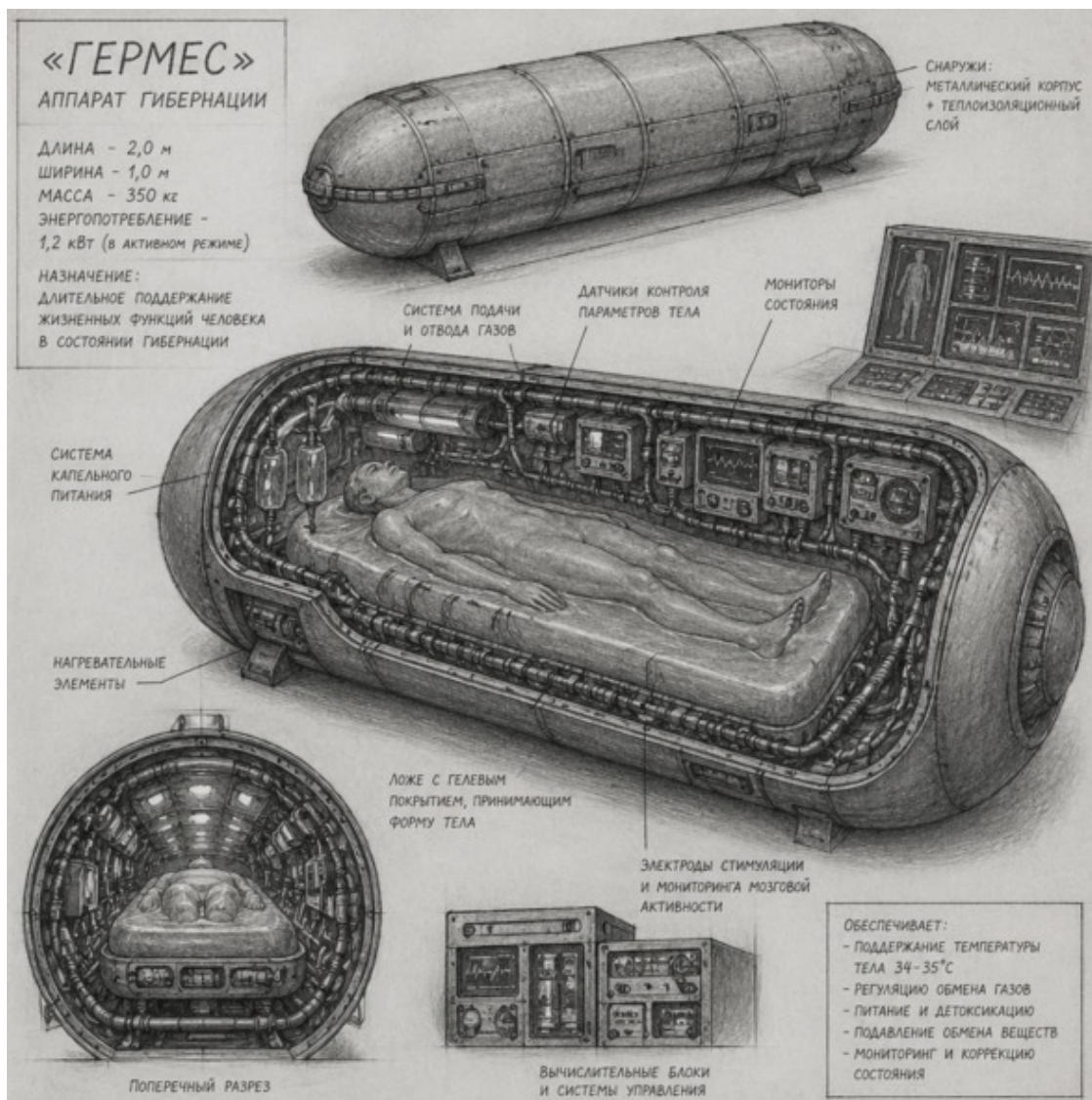
НИИ-137 работал над этой проблемой вот уже двенадцать лет. Первые результаты — на мышах и кроликах — были обнадеживающими. Потом пришли результаты на крупных животных — обезьянах, свиньях. Тоже неплохо. Потом наступил момент, которого все ждали и которого все немного боялись: нужно было переходить к людям.

Аппарат назывался «Гермес». Официально — «Универсальный комплекс длительного сохранения жизнедеятельности человека в условиях глубокой гипотермии и замедленного метаболизма, тип Г-1». Но никто это название не использовал. Только «Гермес» — по предложению молодого инженера Саши Полторацкого, который сказал, что Гермес — это вестник богов и проводник душ, а значит, название подходящее.

— Проводник душ, — хмыкнул заведующий лабораторией Борис Евгеньевич Крутиков, — это для мертвецов. Мы с живыми работаем.

— Тем лучше, — невозмутимо ответил Полторацкий. — Живым проводник нужнее. Название прижилось.

«Гермес» представлял собой капсулу примерно двух метров в длину и метра в ширину — достаточно, чтобы лечь внутри, но недостаточно, чтобы было удобно. Снаружи он выглядел как гигантская металлическая сигара с закруглёнными торцами и толстым слоем изоляционного материала поверх металла. Внутри — сложная система трубок, датчиков, нагревательных элементов, устройств для подачи и отвода газов, капельниц, электродов. Мониторы. Компьютерные блоки. И в центре всего этого — ложе, обтянутое специальным гелевым материалом, который принимал форму тела и распределял давление равномерно.

Максим знал «Гермес» как свои пять пальцев. Он провёл за его изучением сотни часов. Он лично разрабатывал протокол входа в гибернацию и выхода из неё. Он знал каждый клапан, каждый провод, каждую строку кода в управляющей программе. Он знал «Гермес» так хорошо именно потому, что с самого начала знал: однажды он окажется внутри.

Не в качестве подопытного на институтском испытании. Нет.

По-другому.

Максим работал тихо и методично. Он никогда не привлекал к себе лишнего внимания — ни хорошим, ни плохим. Он был тем сотрудником, о котором говорят «надёжный», и «педантичный», и которого ценят именно за эти качества, не требуя ничего большего. Он не участвовал в институтских интригах — а они были, как и везде. Он не претендовал на звания и премии сверх положенного. Он просто работал.

И параллельно, тихо и последовательно, вёл другую работу. Работу, о которой не знал никто.

В нижнем ящике его рабочего стола, под слоем технических журналов, лежала тонкая папка. В папке — расчёты. Не институтские, не официальные. Его собственные. Расчёты маршрута.

Он начал их ещё в университете, на третьем курсе, когда понял, что семейная традиция и его профессиональный путь совпали с точностью, которую нельзя было объяснить случайностью. То, что делал институт — разрабатывал технологию длительного сна для космических путешествий, — было именно тем инструментом, который был нужен ему для его личной, тайной, унаследованной от тридцати поколений задачи.

Лететь выше неба. И найти, попытаться найти, то, что искали все они до него.

Он не был религиозным человеком в обычном смысле слова. Он не ходил в церковь, не молился перед сном, не крестился у икон. Советское воспитание, физический факультет, наука — всё это приучило его к материалистическому взгляду на мир. Но была в нём эта тяга — генетическая, что ли, или приобретённая из тетради, которую он перечитал, наверное, раз двадцать, — тяга к поиску чего-то, что лежит за горизонтом знаний. Не обязательно Бога в религиозном смысле. Просто — ответа на вопрос, который задавали все тридцать поколений до него.

Есть ли в мире что-то большее, чем мир?

Коллеги Максима были самыми разными людьми.

Борис Евгеньевич Крутиков, заведующий лабораторией, — крупный, шумный, с лысиной и густыми бровями, которые двигались совершенно независимо от остального лица. Он был из той породы учёных, которые рождаются для науки так же естественно, как птицы рождаются для полёта: без всякого выбора и без всяких сомнений. Наука была для него воздухом. Он жил в ней, дышал ею, не мог без неё. Семья у него была — жена и двое детей — но они существовали где-то на периферии его внимания, как хорошая мебель: нужная, ценная, но не замечаешь, пока не сломается.

Александра Ивановна Тихонова, биохимик, — маленькая, острая, с вечно нахмуренными бровями и голосом, в котором звучала постоянная готовность к спору. Она была лучшим специалистом по биохимическому протоколу гибернации и знала об этом. Зато не знала, как варить кофе — всегда делала его или слишком крепким, или слишком жидким. Максим иногда тихо варил за неё, когда видел, что она снова берётся за турку.

Саша Полторацкий — тот самый, который придумал название «Гермес». Двадцать восемь лет, рыжий, с веснушками, вечно в кедах независимо от погоды. Гений в области систем автоматического управления. Инфантильный в быту до такой степени, что однажды забыл, где живёт, и проехал на трамвае до конечной остановки, прежде чем сообразил.

И ещё десятка полтора других — кто поважнее, кто попроще, кто приходил и уходил, а кто работал здесь, казалось, вечно.

Максим дружил со всеми ровно настолько, чтобы никто не чувствовал себя обделённым его вниманием. Но по-настоящему близко — ни с кем. Тайна, которую он носил в себе, создавала незримую прокладку между ним и остальным миром.

Брат Виктор навещал его примерно раз в месяц. Они были не просто братьями — они были, пожалуй, лучшими друзьями. Несмотря на разницу в три года, несмотря на разные характеры и разные профессии — Виктор работал инженером-конструктором на машиностроительном заводе, — они понимали друг друга с полуслова. Или Максиму так казалось. Виктор был

крупнее Максима — шире в плечах, погромче голосом, поярче во всём. Там, где Максим говорил тихо, Виктор смеялся. Там, где Максим наблюдал, Виктор действовал. Они были как два берега одной реки: разные, но сделаны из одного материала.

— Ну как там твои консервы? — спрашивал Виктор, наваливаясь локтями на кухонный стол и принимаясь за чай с таким энтузиазмом, будто не пил неделю. — Когда уже человека заморозишь?

— Скоро, — отвечал Максим.

— А потом разморозишь?

— Обязательно.

— Уверен? — Виктор прищурился. — Вы там, случайно, не переносите сроки?

— Мы никогда ничего не переносим.

— Ха! — Виктор откидывался на спинку стула. — Все научные институты переносят сроки. Это закон природы.

Максим улыбался. Он любил эти разговоры — лёгкие, без глубины, без подтекста. Разговоры ни о чём важном. Иногда он думал: что было бы, если бы он рассказал Виктору? Про тетрадь, про традицию, про фамилию. Про свои расчёты. Но отец сказал чётко: младшие не посвящаются.

И Максим молчал.

Глава 3. Год до старта

Испытания «Гермеса» шли своим чередом. Первый человеческий эксперимент состоялся в марте: доброволец — молодой врач из клинического отдела по имени Геннадий Свиридов — провёл в «Гермесе» семьдесят два часа. Это была не настоящая гибернация, только её имитация: температура тела понижалась незначительно, метаболизм замедлялся умеренно, сознание сохранялось. Просто проверка того, как человек переносит пребывание в капсуле, как реагирует его тело на датчики и трубки, как работает система жизнеобеспечения. Свиридов вышел из капсулы бледным, с кругами под глазами, но живым и здоровым. Он сказал, что это было «примерно, как больница, только скучнее». Крутиков был доволен. Тихонова уже строила планы на следующий этап.

В июне провели второй эксперимент — уже с настоящим понижением температуры, с полным замедлением метаболизма, с двумя неделями в состоянии, близком к клинической смерти. Добровольцем снова стал Свиридов. На этот раз он вышел совсем другим: несколько часов не мог чётко формулировать мысли, жаловался на странные ощущения в конечностях, долго смотрел в одну точку. Но через сутки вернулся в норму.

Показания приборов — блестящие. Тихонова почти не хмурилась. Крутиков позволил себе бутылку коньяку. Максим изучал все данные с особым тщанием.

— Хорошо работаешь, — сказал ему Крутиков однажды, хлопнув по плечу. — Никогда не видел человека, который так знал бы систему.

— Стараюсь, — ответил Максим.

Это была правда. Только не вся правда.

Он начал готовить побег — по-другому это назвать было нельзя — примерно за год. Слово «побег» звучало странно применительно к человеку, который никуда не убегал в обычном смысле: не от тюрьмы, не от семьи, не от долгов. Он убегал к. Убегал к звёздам, к тайне, к ответу на вопрос, который тридцать поколений до него не давал покоя людям его рода.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.